

писываются Обитателю предместия, приятелю покойного Эмилия и его друзей Алетова, графа Благодетельского и Иринева), и тем самым как бы включаются в его духовный мир и становятся частью одного романа.⁷⁶

Найденные нами тексты показывают, что к Феоне приезжают Алетов⁷⁷ и Осанов (здесь с женой и дочерью) из «Эмилиевых писем», а также господин Тополов, отец Ванюшки из «Доброго дитяти». Связь этого героя с трилогией проявляется в черновых вариантах, где он упоминается как дядя Филарета (адресата «Эмилиевых писем») и, кажется, как сосед Обитателя.⁷⁸ Наличие такой сложной сети сквозных персонажей едва ли случайно и прямо соотносится с основным приемом творчества Муравьева-прозаика, т. е. с использованием, по выражению Ю. Н. Тынянова, «фрагмента как средства конструкции».⁷⁹

Можно сказать, что муравьевская воспитательная проза вся состоит из «фрагментов», из маленьких, самих по себе не очень значительных «единиц». Но эти самостоятельные единицы объединяются в комплекс, все более и более расширяющийся как благодаря смысловым ассоциациям,⁸⁰ так и путем сквозных персонажей. Именно они обеспечивают «циклизацию» отдельных эпизодов. Нельзя сомневаться в том, что это входило в намерения автора. Так, набрасывая на трех языках план «Берновских писем» как «литературных чтений» и «критических опытов», Муравьев решительно прикрепляет их к героям своих предыдущих повестей: «Elements of criticism. Lectures ou Belles Lettres. Берновские Письма. Древние и новые. Гомер, Гораций, Виргилий, Софокл, Тасс, Буало, Расин, Мольер, Вольтер. Ce sujet peut être repris sous une autre forme: Иринева, прельщенный спокойствием своего предместия, Эмилиев перевод Геснера, эпизод...»⁸¹

Для воспитательных целей писателя особенно принципиальное значение имел тот факт, что в процессе циклизации должен был принимать участие сам ученик, узнавая действующих лиц и вспоминая связанное с ними нравоучительное правило. Процесс происходил только в сознании читателя, но это еще более способствовало его проникновению в предлагаемые ему нравственные истины или принципы «вкуса».

С другой стороны, именно в работе над такой прозой, которая предназначалась для учебных целей и которую не предполагалось распространять среди публики, Муравьев, возможно, почувствовал себя более раскованным и захотел провести формальные эксперимен-

⁷⁶ Росси Л. Маленькая трилогия Михаила Муравьева. С. 72—74.

⁷⁷ Алетов также участвует в «утренней прогулке» одноименного рассказа и в другой прогулке, описанной в «письме», иллюстрирующем спряжение глагола «идти» (ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 315—316).

⁷⁸ РНБ, ф. 499, ед. хр. 28, л. 56, 47 об.

⁷⁹ Тынянов Ю. Н. Поэтика, история литературы, кино. М., 1977. С. 43.

⁸⁰ Вихов Н. Les éléments novateurs dans la prose de M. N. Murav'ev. P. 367.

⁸¹ Основы критики (англ.). Чтения или художественная литература. Можно развивать этот сюжет и в другой форме (фр.) (РНБ, ф. 499, ед. хр. 37, л. 23 об.).